

H.M. Таирова

К ВОПРОСУ О ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Изучение истории революции 1917 г. невозможно без исследования вопроса о легитимности власти Временного правительства (ВП). В феврале низложение Правительства и отречение Николая II расчистило путь к созданию нового государственного строя. В первый «общественный кабинет министров» вошли 11 представителей либерально-прогрессивной интеллигенции (при этом 10 из них были связаны с масонским братством¹). В процессе создания ВП участвовали как законодательные органы – Государственная Дума (ГД), так и общественные силы – Совет рабочих и солдатских депутатов (СРСД), его Исполнительный комитет (ИК), цензовые и пролетарские слои населения. Оценивая значение происходящих событий, газета «Речь» писала, что «революции национальной, в таком широком значении слова, как нынешняя, русская, доселе не было на свете», особо подчеркивая, что делали ее все живые общественные силы страны и поэтому никто не имеет на нее политического права.²

Власть как средство политики стала концентрироваться в руках двух революционных органов. Сложившееся положение не было случайным, оно имело свои исторические корни. В России осуществился особый принцип разделения властей не по классическому западноевропейскому варианту (по функциям: исполнительная, законодательная и судебная власть), а по классовому признаку: ВП – как орган власти цензовой России, СРСД – как орган власти пролетарских масс и примкнувшей к нему части разночинной интеллигенции. Одной из причин возникновения «двоевластия» стали классово-сословные (и культурно-образовательные) различия российского общества начала XX в.

Что же на самом деле мешало ВП и СРСД взаимодействовать и не мешать друг другу? Утвердив 2 марта состав и программу Правительства, ИК на деле передавал власть буржуазии. Хотя у Совета были такая же возможность взять власть в свои руки, у него не было политического и государственного опыта в управлении страной (это осознавали члены ИК). Для того чтобы сохранить СРСД в качестве органа власти Российской демократии, оставался единственный выход – установление жесткого контроля за деятельностью ВП. Предполагалось, что право контроля обеспечит на паритетных началах возможность проводить свою линию государственной политики через ВП. Между тем ожидания не оправдались и ВП никак не желало мириться с установленным над ним контролем. По его меркам СРСД не имел на то никаких юридических прав и рассматривался как «частное учреждение».

ВП предпринимало попытки изменить положение «двоевластия». Если прежде народ не привлекался к решению государственных задач, то в марте 1917 г. это становится во главу политики Кабинета министров. Одновременно ВП решает вопрос и о

закреплении за собой статуса органа государственной власти. Теоретически ВП могло использовать еще два стабилизирующих фактора: 1) издание манифестов и 2) приведение к присяге различных чинов государственной службы, армии, народа. Конечно же, учитывался факт ненависти народа к царю и то, что многие ритуальные элементы не смогут отвечать революционному настроению, особенно в Петрограде. Но, невзирая на это, ВП решило апеллировать к старым государственно-церковным традициям. В исключительно короткий срок ВП должно было перестроить российскую государственную практику, обновить старые традиции, придав им новый революционный пафос. Исходя из основополагающих составных частей, дающих правовую и нравственную силу власти, выбор ВП пал на Правительствующий Сенат, армию и народ.

Положение Сената после революции было критическим. Напуганный событиями в Петрограде, его аппарат с 23 февраля прекратил свою работу, но А.Ф. Керенский приложил определенные усилия, чтобы в считанные дни после прихода к власти ВП Сенат возобновил свою повседневную работу и чтобы общественность не тревожили сомнения о крахе российской государственности. 5 марта по настоянию министра юстиции А.Ф. Керенского в Сенат для выполнения особо важного поручения прибыли 20 сенаторов I Департамента. Керенский предъявил им два документа для заслушивания и законного их утверждения к расpubликованию: 1) Акт об отречении Государя Императора Николая II от престола Государства Российского и о сложении с себя Верховной власти и 2) Акт об отказе вел. кн. Михаила Александровича от восприятия Верховной власти впредь до установления Учредительным собранием образа правления и новых основных законов Государства Российского.³ Сенат определил: распубликовать оба акта в «Собрании узаконений и распоряжений Правительства» и сообщить об этом всем подчиненным Сенату должностным лицам и правительственный учреждениям. Оба акта были приняты Сенатом для хранения «на вечные времена».⁴ Таким образом, 5 марта Сенат подвел черту под самодержавием России. Сенаторы уведомили Керенского, что I Департамент готов предоставить себя в полное распоряжение ВП в деле поддержания законов, направленных на благо Родины. Это решение изменило концепцию власти ВП – после ликвидации старого режима ему на законном основании передавалась вся полнота власти. Политический маневр Керенского наглядно показал обществу, что власть ВП находится под вердиктом Сената и что в России практически невозможно возобновление монархии и уже предрешен новый путь государственного строя.

Итак, задача по возобновлению работы Сената была выполнена. С 10 марта Сенат незамедлительно приступил к выполнению своих прямых обязанностей. Имея немалый опыт организационной работы, Керенский торопился, так как был заинтересован в скорейшей подготовке работы корпуса сенаторов, подчиненного ему I Департамента. Он лично занимался подбором сенаторов, ибо от его состава во многом зависела судьба ВП. Сенаторы должны были стать гарантом подтверждения законности верховной власти Правительства. Не подлежит сомнению, что поспешность, которую проявил Керенский в организации работы Сената, была вызвана тем, что через него необходимо было проводить акты государственного и политического характера. Не встречая широкой поддержки со стороны политических сил, но, находясь при этом под жестким контролем ИК Совета, ВП пыталось вначале опереться на госаппарат и привести через него акт легитимизации своей власти (этот вопрос будет поставлен на заседании ВП 9 марта).

В эти дни многие граждане и солдаты действительно находились на перепутье, ибо, приступая к воинской или государственной службе, их отцы и деды присягали на верность существующему строю, а как быть в новых революционных условиях? Заметим,

что присяга являлась не просто церковным ритуалом, в ней были заложены нравственно-исторические особенности развития российского общества. Присяга была введена со времен принятия Россией христианства. Клятва фиксировалась в Крестоприводных записях, и каждый знал, что в случае нарушения клятвы он может подвергнуться отвержению от благословения Вселенских Соборов.⁵ Присягали в чрезвычайных случаях, например: после кончины Б. Годунова присягали его сыну; при вооружении против самозванцев, когда Дмитрий Пожарский призывал россиян к защите Москвы от литовцев и покушений Сигизмунда на московский престол; В. Шуйский установил особую присягу (шерти) для татар и остяков, к которой каждый воевода должен был привести магометан и язычников; при избрании на престол М. Романова. Интересно, что в Крестоприводных записях были особенные дополнения, предназначенные для придворных и других лиц, находящихся на государственной службе, причем каждый присягал по своему званию (записи Б. Годунову, В. Шуйскому, М. и А. Романовым).

Только при Петре I присяга становится фактором служебной этики – она принималась каждым при вступлении в должность, чего в прежних записях не значилось.⁶ Сохранившись до царствования Николая II, присяга стала уже формой общественного сознания. Клятвенное обещание в период чрезвычайной ситуации было исконно российским патриотическим движением, даже Революция не смогла вытеснить его из сознания россиян, оно, наоборот, сплачивало население и многие не воспринимали своего «я» без привычного мироощущения – быть подданным своего Отечества и нового правительства.

Одной из важнейших задач для ВП стало подчинение армии. В борьбе за армию ВП снова столкнулось с противодействием СРСД. Недопустимым оставался тот факт, что СРСД по собственной инициативе выводил армию из подчинения военного министра А. И. Гучкова. Более того, СРСД решительно настаивал на том, чтобы солдаты подчинялись демократическому органу, а не буржуазному правительству. В этих условиях ВП, опираясь на собственные силы, вело подготовку к новой государственно-политической акции: необходимо было срочно склонить на свою сторону армию путем приведения к присяге. Популистские меры ИК Совета дезорганизовывали армию, однако не исключалось влияние командного состава, который смог бы привести ее к присяге, тем более, что она не являлась приказом, а представляла собой клятвенное обещание. ВП, стремящемуся легитимизировать свою власть, важно было вызвать патриотический подъем в армии, поднять ее воинскую боеготовность и подчинить своей власти. Вопрос о военной присяге решался в течение трех дней. 7 марта ВП постановило утвердить новую форму воинской присяги для всех чинов армии,⁷ а 9 числа текст присяги уже был опубликован в «Вестнике ВП», газете «Речь»⁸ и разослан по штабам армии.⁹

Воинская присяга была осуществлена ВП без согласования с Советом. Поэтому после опубликования текста Совет признал правительственную форму военной присяги неудовлетворительной и решил на ее основе выработать свой вариант. Однако внутри СРДС возникли разногласия по формулировке присяги и ИК пришел к заключению, что слишком мало переделок, а много «уступок»¹⁰ и передал вопрос на рассмотрение Солдатской комиссии.

Министры ВП рассчитывали, что с опубликованием присяги и приведением к ней армии они преодолеют синдром контроля СРСД. Армия для ВП прежде всего была опорой в политике продолжения войны до победного ее конца. В силу этого присяга казалась министрам залогом верности и сочувствия армии тому, что они делали. ВП пыталось в первую очередь ликвидировать возникшее «двоевластие», и присяга должна была

выступать как форма народного признания его власти, дать ему свободу действий и возможность занять в государстве то место, которое прочила ему общественность еще в дореволюционный период – место «министерства доверия». От того, как пройдет присяга в армии, зависел вопрос и о присяге народа. Если процесс приведения армии к присяге прошел бы спокойно, то следом за армией последовала бы гражданская присяга народа.

Однако присяга в армии прошла на формальном уровне и не принесла ожидаемого результата. Кроме того, под нажимом ИК Совета ВП все же пришлось признать, что оно ошибочно издало приказ о присяге армии без его ведома. Этот факт был официально зафиксирован в протоколе заседания ИК от 16 марта. ИК объявил о согласии ВП не приводить к присяге те части войск, которые не присягали, и решил предложить на рассмотрение ВП два пункта своего декрета: 1) приказ воинских начальников, направленный против свободы народа, не подлежит исполнению; 2) солдаты должны подчиняться офицерскому составу в военно-техническом отношении.¹¹ Сложно предположить, чем могла закончиться конфронтация двух органов власти. Все разрешилось само собой – вопрос о воинской присяге в СРСД был «затерт и замазан» и «война до конца» между ВП и СРСД не была доведена.¹²

Еще не успели закончиться дебаты по поводу воинской присяги, как 9 марта на заседании (№ 12) Керенскому поступило устное предложение о необходимости скорейшего составления указа Сенату о составе ВП¹³ для принесения присяги. И уже 10 марта на заседании (№ 14) решался вопрос о выработке формы торжественного обещания (присяги) ВП по выполнению обязательств, принятых на себя перед народом.¹⁴ Для того чтобы всколыхнуть народ и привлечь его внимание к проблеме власти, Кабинет решает провести церемонию, где действующими лицами будут сами министры ВП. Задача состояла в том, чтобы не только добиться легитимности власти, но и самим присягнуть, дав клятвенное обещание на верность народу. Впервые власть рассматривала русское общество как единый политический организм. В то же время было стремление поднять общественный престиж ВП как коллективного правителя, вызвать ответную активность народа, развить его социальное творчество и тем самым укрепить свою власть. Впрочем, решение этих вопросов сопровождалось большим политическим риском. Было ясно, что ИК выразит свое обычное раздражение по поводу несогласования с ним вопроса о присяге ВП народу и народа ВП. Другое дело, как поведет себя в этой ситуации общественность России? Примет ли сторону СРСД или станет верной опорой ВП?

Интеллигенция Петрограда во многом действовала созвучно с мероприятиями ВП. Например, Д. Философов выступил 8 марта в «Речи» со статьей «Необходимый церковно-правительственный акт», в которой указал, что за гражданским актом отречения от Престола должен был последовать и церковно-правительственный акт, утверждающий окончательную ликвидацию династии Романовых, и предлагал провести ритуал отречения всего народа в духе традиций православной церкви. Философов вкладывал в ритуал отречения не только церковную традицию, но прежде всего понимание гражданской ответственности каждого человека в решении национальных вопросов (т.е. пытался переложить ответственность за судьбу Романовых на каждого гражданина).¹⁵

Проблема присяги в понимании министров ВП носила государственный характер и на нее не могли влиять ни классовые, ни политические противоречия. К следующему заседанию (№ 15) 11 марта, проходившему в 21 час 30 мин, на рассмотрение уже была представлена сама «форма торжественного обещания (присяги) ВП», которую приняли без изменений. Для закрепления своего статуса Кабинет принимал любую поддержку, которую проявляли представители различных слоев общества. Телеграммы

в поддержку ВП приходили со всех областей России. Даже среди членов Дома Романовых ВП нашло своих сторонников. По этому поводу 12 марта на заседании (№ 16) обсуждалось устное предложение Керенского о желательности опубликования телеграммы вел. кн. Николая Николаевича и других великих князей о принесении ими присяги на верность ВП.¹⁶ Присяга членов Дома Романовых реально могла подтвердить преемственность законности власти ВП, а также стать примером не только для аристократических кругов общества, но и для народных масс.

Уже сам процесс подготовки присяги ВП говорит о том, что борьба за власть не прекращалась, а, наоборот, приобретала все более острый характер. ВП отказалось от мысли информировать ИК Совета, чтобы заранее избежать политического скандала до 15 марта и не ставить себя в затруднительное положение. Между тем нельзя сказать, что какая-то из двух сторон в марте имела большой перевес. Положение ВП и ИК СРСД было лабильным: если ВП осуществляло какие-либо государственно-политические мероприятия и его в некоторой степени поддерживали и армия, и народ, то ИК после каждой ситуации как бы сначала капитулировал, а затем через Совет воздействовал на ВП и принуждал его отказываться от принимаемых ранее решений.

Исходным пунктом анализа действий ВП в эти дни может служить то, что Кабинет проявлял торопливость, пытаясь изменить политическую ситуацию, создаваемую в городе советскими представителями. Уже 14 марта, когда началась систематическая работа во всех канцеляриях Сената,¹⁷ I Департамент в 15 час. получил извещение о том, что 15 марта в Сенат прибудет весь состав кабинета министров для принесения присяги.¹⁸ 15 марта обновленный состав сенаторов I Департамента в количестве 22 человек занял свои места в Овальном зале. Текст присяги был доставлен незадолго до начала заседания лично Керенским. К 10 час на автомобилях прибыли все министры ВП в сопровождении прaporщиков. Простота костюмов министров-демократов вызвала сенсацию: они прибыли не в парадных одеяниях, среди «всех только 2–3 человека были в сюртуках, остальные же в домашних визитках и пиджаках. Особенно выделялся Керенский, он просто присутствовал в домашней куртке».¹⁹ Министры принесли присягу на верность службе народу Державы Российской, подняв правую руку и повторив за первоприсутствующим сенатором С.Б. Врасским весь текст присяги. После соблюдения всех формальностей присяжной лист был принят Сенатом для хранения в ларец, в котором до этих пор хранились указы государей.²⁰ На следующий день, 16 марта, многие петроградские газеты сообщили своим читателям о проведенной в Сенате церемонии. Только «Известия Петроградского СРСД» проигнорировали это событие, прикрывая слабость проводимого Советом контроля за деятельностью ВП. Молчание длилось три дня и лишь 19 марта «Известия» решились, наконец, напечатать первый отклик. Член СРСД М.И. Дроздов обвинил ВП в том, что оно дискредитирует новую жизнь и проводит в нее такую отжившую и вредную форму, как присяга, возобновление которой является оскорблением и позором.²¹ Без сомнения, присяга стала одним из спорных политических вопросов: одна часть общества продолжала жить в традициях старого мира, другая, в противовес господствующей культуре и традициям, объявляла контрреволюционным все, что относилось к прежней культуре.

Однако политическая борьба за власть не давала развернуться ВП и ему постоянно приходилось ретироваться перед СРСД, боясь потерять его поддержку и поддержку значительной части «демократии». Поэтому 28 марта на заседании (№ 34) ВП еще раз возвращается к проблеме присяги и рассматривает предложения министра-председателя кн. Г.Е. Львова по вопросу о приведении к присяге гражданского населения и служащих

правительственных учреждений. Министры пришли к окончательному решению о необходимости разъяснить, что приведение к присяге гражданского населения и чинов в настоящее время не требуется и что общий вопрос о порядке принесения присяги будет разъяснен Учредительным собранием. Для сохранения в стране относительного порядка ВП пошло на политический компромисс, лишив народ возможности проявить патриотические чувства. Все дела по вопросу приведения населения к присяге вел Д.М. Щепкин, товарищ министра внутренних дел. От его имени были разосланы телеграммы в Курск, Новгород, Киев, Смоленск, Харьков, Самару, Тамбов, Тулу, Орел и т.д. Губернским комиссарам сообщалось: текст присяги установлен лишь для военнослужащих, гражданское население и лица, состоящие на гражданской службе, приведению к присяге до созыва Учредительного собрания не подлежат.²²

Несмотря на эту уступку ВП, советские деятели понимали, что в решении проблемы о присяге они потерпели поражение. Об этом было открыто заявлено на заседании ИК СРСД 5 апреля: к этому времени большая часть армии уже была приведена к присяге, а гражданское население с нетерпением ожидало возврата и текста присяги, а некоторые без всяких возваний по собственному почину присылали письма и телеграммы с присягой.²³ Именно на заседании ИК Совета 5 апреля произошла перемена во взглядах ее членов на политику ВП. Уже ни для кого не было тайным, что политика ВП вышла из-под контроля ИК Совета, что время, когда Совет брал на себя ответственность и поддерживал ВП, действительно прошло.²⁴

Возвращение к этой теме наметилось после апрельского кризиса. 26 апреля встал вопрос о создании коалиционного правительства с участием социалистов, которое и было сформировано 5 мая (I коалиционный кабинет). Примечательно, что 6 министров представляли социалистический блок, а из 15 министров только 2 человека не являлись маконами. С вхождением в состав ВП социалистов-министров окончилось «двоевластие». В то же время апрельский кризис показал, что в столице существует не две ветви власти – ВП и СРСД. В качестве полноправной «власти» выступила уличная толпа, выражавшая недоверие ВП. В результате перераспределения между ВП и народом политических полномочий был создан легитимный «институт отставки государственных деятелей». Важно отметить, что уже на второй день на вечернем заседании (№ 73) 7 мая новое Коалиционное правительство поставило вопрос о присяге новых министров «в присутствии» Сената.²⁵ Если Революционное ВП не давало публичных объявлений в печати, скрывая акт присяги не только от общественности, но и от ИК Совета, то при I Коалиционном правительстве министр юстиции П.Н. Переверзев заранее оповестил через прессу о дате новой присяги министров.²⁶ Политическая подоплека в деле принесения присяги министрами исчезла. Русский образ мышления и бытия следовать историческим традициям победил революционный экстремизм. Министры-социалисты также признали «присягу» как обязательную форму вступления на государственную службу, понимая, что клятвенное обещание служению Отечеству и народу придавало государственной службе более ответственный характер. Присягавшие понимали, что априори получали доверие и законность власти.

ВП стремилось придать форме присяги национально-патриотический характер, включая в него смысл защиты тех свобод, которые русское общество получило в результате Революции. Не случайно ВП выделило три формы присяги: военную, гражданскую и присягу чинов (в частности, министров ВП).²⁷ Что касалось принесения присяги министров ВП, то здесь не было никаких препятствий, ибо Правительство по этому поводу не испрашивало разрешения у СРСД и само первоначально провозгласило «преемствен-

ность власти», а затем и собственную форму присяги. С присягой гражданской и военной дело осложнилось и ВП попало в зависимость от решения СРСД. Но, не рискуя окончательно отбрасывать присягу как форму патриотической клятвы на верность отечеству (а не ВП), вопрос о военной присяге еще некоторое время оставался в поле зрения ИК Совета, а затем на фоне последующих событий потерял свою актуальность.

¹ Берберова Н. Люди и ложи. Нью-Йорк, 1993. С. 30.

² Речь. 1917. 5 марта.

³ ГАРФ. Ф. 661. Оп. 1. Д. 2100. Л. 5.

⁴ Речь. 1917. 10 марта; Торгово-промышленная газета. 1917. 8 марта.

⁵ Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1846. № 1. М., 1846. С. 53–57.

⁶ Там же.

⁷ Речь. 1917. 8 марта.

⁸ Вестник ВП. 1917. 9 марта. № 4. С. 1; Речь. 1917. 9 марта.

⁹ Присяга была рассчитана для воинов различных вероисповеданий (общий текст был составлен для христиан с учетом некоторых изменений для иноверцев). Известно, что приведение войска к присяге на многих фронтах проходило относительно спокойно, однако без ожидаемого патриотического подъема. В тексте присяги «на верность службы Российскому Государству» красной нитью проходила идея подчинения власти ВП. Хотя смысл текста не выходил за рамки известных формулировок о ВП, но сам факт подчинения ему вызывал сомнения. По свидетельству А.И. Деникина, были случаи отказа офицеров принимать присягу, ибо в их понимании ее можно было давать Помазаннику Божьему, но ни в коем случае ни Г.Е. Львову, А.Ф. Керенскому или другим лицам, которых в любой момент могут сместить с их постов. В то же время многие воспринимали присягу как жертву, которую они должны были принести во имя спасения Родины (Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. М., 1991. С. 138–139). Одна из причин такого отношения к присяге была вызвана исчезновением привычного церковного ритуала, когда присягавшие целовали Святой крест и Евангелие, подписывали присяжные листы и т.д. Новый текст присяги еще не успел устояться в сознании солдат, зачитывался наспех, иногда с листа телеграммы. Другой немаловажной причиной шаткости проведения акции с присягой, пожалуй, являлось отсутствие в тексте упоминания о СРСД.

¹⁰ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1. Кн. 2. С. 246–247.

¹¹ Петроградский Совет РСД. Протоколы заседаний ИК и Бюро ИК. М.; Л., 1925. С. 56.

¹² Суханов Н.Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 247.

¹³ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 17. Л. 23.

¹⁴ Там же. Л. 27 об.

¹⁵ Речь. 1917. 8 марта.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Л. 36 об.

¹⁷ Петроградская газета (ПГ). 1917. 15 марта.

¹⁸ ПГ. 1917. 16 марта. № 64. С. 3.

¹⁹ Вестник ВП. 1917. 16 марта; Речь. 1917. 16 марта; День. 1917. 16 марта.

²⁰ К этому дню было приурочено и другое не менее важное событие. Вновь назначенный на должность командующего Петроградского гарнизона ген. Л.Г. Корнилов в обход СРСД привел к присяге на верность ВП Штаб гарнизона (Вестник ВП. 1917. 16 марта). Присяга проводилась в приемной комнатах Штаба Петроградского военного округа. На торжественной церемонии присутствовали все члены Штаба – от офицеров до писарей (ПГ. 1917. 16 марта). Корнилов не мог допустить, чтобы части гарнизона подчинялись приказам СРСД, в то время как он сам присягал ВП.

²¹ Известия Петроградского Совета РСД. 1917. 19 марта.

²² РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 345–346.

²³ Петроградский Совет РСД. Протоколы заседаний ИК и Бюро ИК. С. 80–81.

²⁴ Однако в апреле, казалось бы, уже забытый вопрос о военной присяге вновь вышел на первый план. Но на заседании контактной комиссии ВП отвергло, как и в случае с гражданской присягой, предложение СРСД выпустить специальное разъяснение о не приведении армии к присяге до Учредительного собрания (там же. С. 78–79).

²⁵ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Л. 34.

²⁶ Первоприсутствующий сенатор I Департамента Врасский также был оповещен о том, что 5 июня в час дня в Сенат прибудут новые министры: И.Г. Церетели, А.В. Пешехонов, М.И. Скобелев, В.М. Чернов и князь Д.И. Шаховской для принятия присяги (ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 99. Л. 2; Речь. 1917. 1 июня; ПГ. 1917. 1 июня). 5 июня к 2 час. дня в Сенат прибыли пять из шести названных лиц – министр земледелия Чернов находился на съезде партии социал-революционеров и вернулся из Москвы только вечером (ПГ. 1917. 6 июня).

²⁷ В исторической литературе 80-х годов упоминается лишь о том, что ВП «сохранило обязательную присягу министров в Правительствующем Сенате» (Великая Октябрьская Социалистическая Революция. Энциклопедия. М., 1977. С. 98–100).

Статья принята к печати 28 декабря 2006 г.